

*Светлой памяти моего
папы Александра Ивановича*

В небольшом приморском городе живёт большая семья Гавриловых, перебравшаяся сюда из тесной московской квартиры. В семье семь детей и куча всевозможных животных: голуби, черепаха Мафия, рыбки, японские мышки, крысы во главе с главным крысом Шварцем, попугаи, морская свинка, кошки и собаки! И, разумеется, с этой семьёй постоянно происходят разные забавные истории!

СЕРЕБРЯНОЕ СОЛНЦЕ

Дети почему-то избирают своей жизненной программой не то, чему мы их учим и что произносим вслух, а то невысказанное, часто тщательно скрываемое, что составляет суть нашей природы и чем мы, быть может, сами совершенно не гордимся.

Просто мысль

Па

папа Гаврилов шёл по берегу моря и буксировал за собой коляску, в которой сидели Саша, Рита и Костя. Именно за собой, а не перед. «Перед» её было вообще не прокатить. Папа уже раз десять пожалел, что они вообще взяли коляску. Тащить малышей на плечах было бы удобнее. В песке колеса глубоко увязали, и вдобавок песок был покрыт толстым, с ладонь, слоем высохших водорослей. Временами на берегу попадались люди с большими мешками, которые собирали сухие водоросли для утепления стен и потолков и навьючивали их на велосипеды.

Костя в коляске ныл. У него была сильная привязанность к старой одежде, и он остро переживал любые изменения. А тут мама надела ему новую двойную шапку, потому что кепарик с завязывающимися ушами для моря был слишком холодным. И вот всю дорогу Костя повторял: «Мой кепа-аарик!» — и дальше по кругу.

За папой вытянувшейся вдоль берега цепочкой брели мама, Петя, Вика, Алёна, Катя — все мёрзнувшие, с поднятыми воротниками. Последними тащились соседские Андрей с Серафимом, увязавшиеся за компанию.

Андрей, оцарапавший мизинец, когда они лезли через забор, страдал и всё время повторял: «Я же говорил! Говорил! А теперь всё! Всё!» При этом, что именно он говорил и в чём именно состоит это «всё», оставалось за кадром. Зато Серафим, у которого обе ноги были мокрые выше колен, потому что он влез в море, не жаловался и выглядел вполне довольным жизнью.

И вообще Серафим был очень смешной. Кроме того что он постоянно терялся, он ещё всё время говорил «здравствуйте», «спасибо» и «до свидания». Даже если просто уходил в соседнюю комнату, обязательно говорил «до свидания». А когда возвращался, говорил «здравствуйте!». И это было ужасно забавно: ходишь до дому и всюду встречаешь здоровающегося с тобой Серафима, выглядывающего отовсюду, едва ли не из шкафов.

С пляжа было никуда не удрать. От выложенной плиткой аллеи, тянувшейся вдоль моря, их отделял высокий вал песка, который сгребли к забору трактором, чтобы зимние шторма не уносили песок с пляжа в море. До ближайшей калитки оставалось ещё метров триста — огромное расстояние для перегружен-

ной коляски. Папа Гаврилов волок её, представляя себя лошадью, а коляску плугом.

Внезапно коляска стала совсем уж тяжёлой. Папа обернулся и обнаружил, что Петя потихоньку вытащил из неё Сашу, Риту и Костю и уселся в коляску сам.

— Брысь! Колёса сломаешь! Ты слишком тяжёлый! — возмутился папа.

— Они прочные.

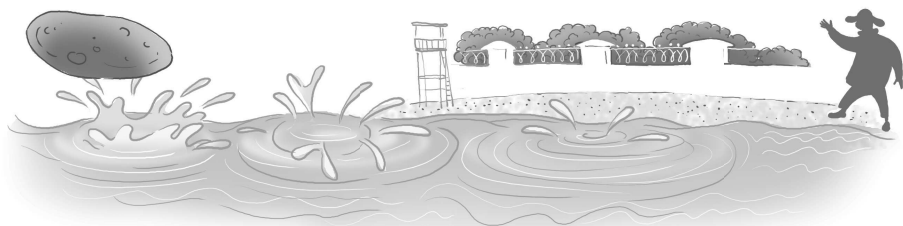
— У старой сломал!

— У старой не я сломал, а мама! — заявил Петя.

Мама смутилась. Отчасти Петя был прав. Прошлая коляска сломалась оттого, что когда Петя вот так же сел в неё, мама уселась ему на колени, чтобы показать, что этого делать не надо и он не маленький. Коляска не знала, что цели у мамы были педагогически, и крикнулась.

Сгруженные на песок Саша, Костя и Рита занялись каждый своим делом. Рита стала рассаживать на мокром песке своих кукол, которых у неё было три. Звали их Жена Генерала, Итальянка и Лорелея. Слово «Лорелея» Рита выговорить не могла, да и остальные имена тоже регулярно путала. Выглядели куклы неважно. Лорелея облысела, а Итальянку Саша наполнил через дырочку в голове кефиром и оставил на ночь в морозилке, чтобы проверить, что будет, но симпатичнее кукла от этого не стала.

В данный момент Саша бродил по пляжу и нахо-

дил выброшенные зажигалки. Некоторые из них попадались с газом и взрывались, когда по ним ударяли камнем. Попутно Сашу волновал вопрос: когда он будет старым, как дедушка, сможет ли он сам покупать сколько угодно спичек?

— Безусловно! — сказала мама и, наклонившись, ловко достала из кармана у Саши коробок, который он уже где-то стащил, видимо припрятав на старость.

Рита стала ныть, что хочет пить:

— Пи-и-ить! Пи-и-ить!

Мама достала бутылочку с водой.

— Это не та вода! — быстро сказала Рита. Она уже увидела вдали красную крышу магазина и просчитала все варианты.

— Ха-ха! Обезвоженная ты наша! — басом сказал Петя из коляски. — В декабре нельзя хотеть пить!

Рита подозрительно уставилась на него и начала медленно открывать рот, одновременно закрывая глаза.

— Почему нельзя хотеть пить в декабре? — заинтересовался Саша. — А вон тот дядька?

Петя оглянулся.

— Вон тот дядька захотел пить ещё летом, — шепнул он.

Оставив коляску в песке, папа подошёл к морю и стал бросать плоские камни, заставляя их прыгать блинчиками. Внезапно что-то больно зацепило его по уху. Папа оглянулся и понял, что это Костя тоже учится бросать камни — и даже, можно сказать, научился.

Петя, убедившись, что коляску с ним никто не буксирует, сложил на животе ручки и поспорил с Алёной, Сашей и Катей, что они не сдвинут его с места. Катя на провокацию не поддавалась, только фыркнула, зато Алёна с Сашей развили бурную деятельность. Им помогали Серафим с Андреем. Откопав колёса коляски, они стали раскачивать её и сдвинули метра на полтора. Потом Серафим повис на ручке, и Петя вывалился в песок.

— Да ну вас! Ничего не умеете! — сказал он и, схватив за ручку пустую коляску, убежал с ней вперёд, чтобы дразнить младших.

Саша, Рита и Костя пошли пешком. Отдохнувший на коляске Саша был свеженьким, как огурчик.

— Представляете, какая наглость! Мне вчера перезвонили человек десять, потому что я случайно набирал их номера! — рассказывал он Андрею с Серафимом, забегая вперёд, чтобы видеть их лица.

Рита, забывшая, что только что умирала от жажды, забиралась на песчаную гору и сбегала с неё в руки к маме. Катя пошла было ловить Риту, но тут рядом с ней кто-то сказал:

— Гуляем? А у меня вот выходной!

Катя обернулась. Рядом с ней стояла «мышинная девушка» Люба, работавшая в зоомагазине. Она была одета в рыженькую куртку и шапку с петушиным хохолком, которые делали её обманчиво мирной. Катя, привыкшая видеть Любу в рабочем халате, фартуке и с метровой змеей в руке, не сразу её узнала. Как если бы грозный боевой полковник вышел к солдатам в тапочках и в колпаке Санта-Клауса.

Рита в очередной раз скатилась с песочной горы и, решив, что устала, обвисла у мамы на руках.

— Ну что, пошли дальше! Рита замёрзла! — крикнула мама, хотя на самом деле Рита покраснелась от бега, а замёрзла мама.

Они пошли по пляжу, а с ними вместе шла «мышинная девушка», заявившая, что ей безразлично, в какую сторону гулять, потому что гуляние — это всё равно убийство времени. К «мышинной девушке» приклеилась Алёна, которая обожала, встретив нового человека, залюбить его до дыр. Кроме того, Алёне

важно было прояснить некоторые детали человеческих взаимоотношений.

— А вот если, например, где-то есть две девушки — одна красивая, а другая хороший человек, на которой быстрее поженятся? — спросила она.

Люба нахмурилась и подозрительно посмотрела на Алёну, но лицо той выражало лишь искренний интерес.

— Это ещё что за вопрос? Откуда я знаю? Я тебе что, жених? — возмутилась «мышинная девушка».

Алёна обратилась с тем же вопросом к папе.

— Которая хороший человек! — бодро ответил папа.

Петя, тоже слышавший этот разговор, посмотрел на него без большого доверия.

— Тогда бы за страшными очередь стояла! — заявил он.

— А что, страшные девушки по умолчанию все хорошие? Красивые тоже могут быть неплохими людьми, — сказал папа Гаврилов.

— То есть из хороших людей мы рассматриваем только красивых? — с вызовом спросила Люба.

— Нет, — сказал папа. — Но красота — размытое понятие. Каждый человек обязательно для кого-нибудь красив.

— Даже полная квазиморда? — с сомнением спросила «мышинная девушка».

— Думаю, да. Но только при условии доброты.

Алёне не понравилось блуждать в зарослях теории:

— Пап! А когда ты на нашей маме женился, она была красивая или хороший человек?

— И красивая, и хороший человек! — сказал папа.

— Правильно! Была! А потом меня обвешали карапузами! — заявила мама, выдирая из руки у Кости палку, которой он хотел огреть Сашу за то, что тот бросил в него пучком водорослей.

Саша дёрнул папу за руку.

— Смотрите! — крикнул он, показывая на навес, подходящий к самой воде.

Вдоль моря по пляжу ходил высокий парень с миноискателем и широкими движениями шарил по песку, точно косил невидимую траву. Изредка парень замирал, и его движения становились осторожными, нащупывающими. Когда место было точно найдено, он сапёрной лопаткой начинал осторожно разгребать песок, что-то из него доставал и иногда отбрасывал, а иногда небрежно опускал в сумку.

— И *этот* здесь! Куда ни пойдёшь — он повсюду торчит! — проворчала Люба, надвигая шапку себе на лоб.

— Кто? — спросила Катя.

— *Этот вот!* — повторила «мышинная девушка», и по тому, как она это произнесла, Кате всё стало ясно.